

БОГАТАЯ ЖАТВА

Из Киева мы вылетели ранним утром. Было начало августа.

Под крылом самолета зеленеет лес, желтеют широкие колхозные поля, голубой дымкой висит Днепр. Чем дальше на юг, тем темнее, светлеет земля. Днепр начинает петлять между скалами, разбиваясь на два, а то и три рукава. Пески яростно наступают на великую украинскую реку, на главную голубую магистраль республики. Сверху хорошо видны наносы желтого песка на крутых излучинах реки, и понятно, почему пароходы идут у самых берегов — ищут габины.

То тут, то там, причудливо изогнув трубопровод, мирно сосут песок земснаряды. А на берегах — на бухтах и холмах — зеленят густые рвы молодого леса. Это советские люди широким планом начали преобразование Приднепровья.

Солнце поднимается выше. На горизонте исчезает легкая розовая дымка. Золотится степная приднепровская степь. Но чем-то она отлична от прежней. Не видно ни разбросанных по полям снопов, ни крестов, которыми обычно бывали прошиты колхозные поля. А ведь страда в полях разгаре. В каждом квадрате живая виднеется уборочные машины. Чего же не хватает на многих тысячах гектаров колхозно-совхозных полей, пронесшихся под крылом самолета, что же изменилось в картине жатвы?

По обеим сторонам дороги — скошенные поля. На ближайших горах леса огибают зерно. Все чаще и чаще встречаются комбайны. На стыках проселочных дорог с автомагистралями тяжело проходят груженные зерном автомашины.

Снова проносятся десятки километров уже не воздушного, а асфальтового пути, но в пейзаже, в этой сизалюстной знаковой картине жатвы, сегодня явно чего-то не хватает. Но чего же? Жнецов, косарей? Да, их нет, но этому и удивляться не приходится. В крае, где на каждом километре встречается по три-четыре и больше комбайнов, изнурительно-тяжелый труд жнецов уже отошел в прошлое.

В Веселовской, Чкаловской и имени III пятилетки МТС, которые обслуживают 21 колхоз, работают почти 400 тракторов и полтора десятка комбайнов. Шесть, восемь комбайнов на каждый колхоз. По десятку-два мощных тракторов. Веде — на уборке, на токах, на зеленом хлопчатнике, на пахоте — машины, машины, машины! Как-нибудь два-три года тому назад поля в эти дни еще расплывали белыми плеточками визальщи. На стерне выстраивали конны туги связанных снопов. На груженных арбы свозили в молотилки хлеб, оставляя по стерне глубокие следы окованных шин колес. А сейчас нет ни выстроенных в длинную линию копел, ни арб. Женщины на полях почти не видно. Только обвешанные, загоревшие водители и пренеципиальны хлопочут возле своих машин, торжествуя с уборкой богатого урожая.

Машины становятся с каждым годом все больше и больше на наших полях. В проекте дирекции XIX съезда партии по пятому пятилетнему плану развития СССР на 1951—1955 годы предусматривается завершение механизации основных полевых работ в колхозах, а также всемерное расширение механизации трудоемких работ в животноводстве, овцеводстве, садоводстве. Особенно радостно, что парк тракторов возрастет еще на 50 процентов, причем в основном за счет экономически выгодных, дизельных. Появится большое количество электротракторов и сельскохозяйственных машин, которые будут работать на базе электротехники, получаемой от крупных электростанций.

Всегда так считали, что высокосный год — несчастливый год. — говорит семидесятилетний колхозник Константин Александрович Кошелев. — А сейчас... Ев-бору, на веку такого урожая не видел! Куда инкинь — тридцать, тридцать пять, сорок

Павло ОРОВЕЦКИЙ

центнеров зерна дает гектар. Да и не только озимь, но и овес, ячмень. А наши соседи — совхоз «Известия» — с некоторыми участками намочачивают и по сорок-восемь центнеров с гектара!

Вот он, стальной красавец, со спокойным достоинством плывет, колышет над полем. Болает подогретый туман, под которым сидит в красной майке водитель комбайна. Сосредоточенный, он весь превратился в слух, ибо надо ухом уловить малейшее изменение в работе мотора, где барабана. Сосредоточенный, он весь превратился в слух, ибо надо ухом уловить малейшее изменение в работе мотора, где барабана.

Он словно слился с машиной, стал ее неотделимой частью. Заметил что-то вперед, комбайнер прищуривает глаза и немного подается на встречу золотому волнистому морю пшеницы. Да, он не ошибся — вперед! Вылезла из-под колес комбайна, комбайнер прищуривает глаза и немного подается на встречу золотому волнистому морю пшеницы.

Нет, этот человек — не придинок машины, но робот, механически исполняющий все операции уборки. Это мозг машины, если можно так выразиться, ее властелин, командир, воле которого подчиняется не только малейшее движение машины, но ее дыхание, ее пульс.

— В нашем труде — счастье, наслаждение. — говорит комбайнер Илья Аврамович Панганов. — Душа поет, когда работаешь на комбайне!

Степь. Широкая, ровная запорожская степь, лишь изредка между полями севооборотов отчерченная зелеными лентами полесазитых лесных полос. Солнце падает неслаславно. Неподдалеку от дороги по обычному полукругу заходит на взлущенное поле колесный трактор «ХТЗ». За ним тянется, шестиступенчатый трактор, окружая сложившиеся в ряд поперек покоса огромные кучи соломы, оставленные комбайном. Трассовой волокушкой трактора подхватили с целого полгектара солому и, оставив на взлущенной делянке широкий золотой след, таинут огромную сырку к краю поля.

Заедущий сельскохозяйственный отдел Веселовского района партии Николай Максимович Прудус, с которым мы едем по полю, с увлечением следит за работой тракторных волокушек.

Вдруг над степью, почти одновременно, раздались тревожные сигналы двух комбайнов, идущих смежными участками.

Что за чертовщина... поднимается в тачанке Прудус, — где же эти бестарки? Вы знаете, когда комбайнеры начинают вот так тревожить, у меня просто душа разрывается. Люди ж соревнуются между собой! А косить приходится лишь на полгектара — урожай такой высокий, что молотилка комбайна не успевает выбивать зерно из колосов. Ага, вот едут бестарки. Смотрите, как хлопцы гонят лошадей. Тут уж нельзя опоздать ни на минуту!

Прудус молчит. Затем так, будто между прочим, замечает:

— Не угад, видно, наши конструкторы, что культура земледелия из года в год возрастает будет. Нужно более мощную молотилку ставить на комбайн. Мы убираем весь хлеб комбайнами, и если бы у нас комбайнов было...

На следующий день, когда мы ехали в другой конец района, в Чкаловскую МТС, я решил проверить мысль Прудуса:

— Неужели полтора десятка комбайнов для района мало?

Николай Максимович рассмеялся.

— Вы знаете, какие у наших колхозников сейчас аппетиты? С этим парком машин мы соберем урожай с нескольких десятков тысяч гектаров за семнадцать-восемнадцать дней. А хочется собрать за

десять. Ну, а если хочется сократить сроки уборки, значит, так-таки не хватает... Федор Макарович Велигура — уже старый комбайнер. На его счету — десятки тысяч гектаров уборочного хлеба и не меньше десятка обученных помощников комбайнера. Все МТС уважает старого кадрника. Когда Федор Макарович га-мнубит в виноградном саду вечером под соловьиные песни начинает рассказывать о комбайнах, хлопцы забывают про девок, про гулянки и готовы слушать его хоть до утра. Еще бы не слушать! Вель Велигура вел на чкаловских полях первый в этих краях комбайн.

В нынешнем сезоне старику пришлось соревноваться со своим учеником Григорием Рубелем. Им отдели соседние участки. Комбайнеры выехали в поле. С первого же дня машины действовали безотказно. Но полеток, ни вынужденных простоев из-за выгрузки зерна. Григорий Рубель пораньше вставал, заблаговременно осматривал комбайн. Выяснил, старик еще только из будки умываться выходит, а Григорий уже мотор запустил. Первые дни выработка у обоих была почти одинаковой. Молодой комбайнер старался все сделать, чтобы обогнать старика. А Велигура хоть на поле, ни хвора, ни за червь гектара, а все-таки больше скапливал. Наконец, Рубель разрешил трактористу ийти не на поле, а на три четверти хедера. Уже в поддень Григорий почувствовал, что не только взял темп Велигуры, но и несколько перегоняет его.

— Наши комбайнеры гонят так, — рассказывает Николай Максимович Прудус, — что на токах не успевают очистить зерно.

«На токах очищать зерно»... Эти слова я слышу не впервые. Оказывается, что обычный ток, на котором некогда веков обмолачивали собранный хлеб, в наших условиях уже изменил свое назначение. Теперь ток совершенно не такой, каким был раньше. На нем мало людей, нет соломы, нет скирда.

Раньше в пылу и жару возле молотилки работало по меньшей мере полсотни колхозников. Запыленные, до самых бровей повязанные платками, они отгребали из под соломотрака солому и полово. Из молотилки по ветру летела длинная пледь пыли. Летим, было, над степью — то тут, то там пыль от молотилки. Так вот чего не хватало с высоты полета для полноты картины массовой уборки!

Подъезжая к току артели имени Чкалова, я почти с радостью заметила на нем конуры «М-1100» и возле нее — трактор «Универсал». Но что за чудеса? Сверху молотилки на полосу для барабанистика почему-то стоят десятичные весы с высокими коромыслами, над ними вытнуто длинный хобот транспортер-элеватор. Возле молотилки под неслами неуклюже повешен старый выветренный бункер комбайна. Под ним стоит машина и нагружается зерном.

Необычность молотилки подчеркивалась и тем, что возле нее не было ни скирда, ни соломы. А машина гудела на полный ход.

— Что, рассматриваете нашу «колумбину»? — спрашивает у меня подошедший лиз Поправка в замасленной блузе. — Пришло время некоторые изменения в «М-1100», как видите. Она ведь сейчас не молотит, а только очищает зерно от соломы.

Де-то неподалеку в степной долине нетерпеливо засиделась комбайн. Дед оглянулся на ток, где разгудалась бестарка, и по-старинки закричал:

— А ну, быстрее снимайте! Не слышите, что ли? Орленосец зовет! — И здесь же объяснил. — Это Николай Шкиндер, что на «Станция-6», орден Лавина награжден за безупречный труд. Вот мастер! У него за войну все груда в орденх и медалах. А это уж начал и за мирный труд добавлять.

ВЕСЕЛОВСКИЙ РАЙОН ЗАПОРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Вода пришла!

Азовский магистральный оросительный канал входит в оросительную систему вступившего в строй Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина.

НА СНИМКЕ: вид оросительного канала на территории совхоза «Красный сад» Ростовской области. Энтомолог Ф. АФАНАСЬЕВ и агроном В. НЕСТЕРЦЕВ (справа) осматривают берега канала.

Победа колхозного бегуна

Вчера Ленинградское шоссе превратилось в своеобразный стадион. По асфальтовой ленте, замощенной спортивной газетной дорожкой, более двух часов продолжались состязания на сверхдальней дистанции протяжением в 42 километра 195 метров, именуемую марафонским бегом.

Сначала все складывалось так, как и предполагали. Первые десять километров быстрее всех прошел чемпион страны 1951 года москвич Я. Москаченко. Но когда позади осталось 32 километра, положение изменилось. Лидером стал Василий Давылов. Он сумел оторваться от своих соперников и под аплодисменты зрителей первым появился на стадионе «Динамо». 42 километра 195 метров Давылов пробежал за 2 часа 23 минуты 59 секунд. Это выдающийся результат — наилучший в истории советского спорта.

Кто новый чемпион Советского Союза по марафонскому бегу?

Вот что рассказывает корреспонденту «Литературной газеты»:

— Я работаю старшим в колхозе имени Сталина, Харьковский области. Стою членом добровольного спортивного общества «Колхозник». Все свое свободное время отдаю спорту. Больше всего люблю бег, и чем длиннее дистанция, тем она мне больше по душе. Физкультурой начал заниматься двадцать лет назад, когда был призван в армию. Сейчас мне 42 года. В 1950 году участвовал во всевозможном марафонском беге. Тогда я занял 51-е место. В прошлом году выступил успешнее — был третьим.

В нынешнем сезоне готовился к соревнованиям усердно, чем колда-либо. Гренировался, пробежал в общей сложности 2,284 километра. После короткого отдыха начал готовиться к всевозможным легковесным соревнованиям колхозников. И побегу на самую короткую для меня дистанцию — 5 тысяч метров.

В НОТНОЙ БИБЛИОТЕКЕ

РИГА. В рижскую нотную библиотеку пришла шифер — стахановец 1-го автобусного парка Аркадий Грегис. Он взял сборник «Израбренные песни советских композиторов» и книгу Н. А. Римского-Корсакова «Летопись моей музыкальной жизни».

Ни один вечер музыкальной самодеятельности в коллективе автобусного парка не обходится без участия А. Грегиса. Мастерски исполняет он вариации на тему русских и латышских народных песен, открывки из опер и оперет.

Абонентами нотной библиотеки являются сейчас около четырехсот рижан.

ФЕЛЕТОНЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Об именах человеческих

В дореволюционное время имя простого человека во многом зависело от пола, социального положения, замешанности гонимой деревни, более двух часов продолжались состязания на сверхдальней дистанции протяжением в 42 километра 195 метров, именуемую марафонским бегом.

«По документам мое отчество не Иванов, а Мамонтович. Отец вспоминал как-то, что батюшка за крестины просил рубль, а у деда была подтина. У деда было желание назвать новорожденного Иваном, а батюшка упорно сказал: «За старшинство нареку твоего сына звериним именем — Мамонт».

И нареки в святцах был святой Мамонт — ничего не поделаешь. По только отныне Мамонтом не звали, а обыкновенно Иванов. Так что Мамонтович это только по метрикам».

Да, вот так-то получился Псой. Пуды, Пависакии, Сатиря, Матриля, Незекни...

Фамилия, просуществовавшая иногда от клячки и провинции, дававшие крестьянским господам или усадьбы, бывали настолько безобразны и неприличны, что их отнюдь вслух неудобно произносить. В двадцатых годах печально было объявлений о перемене таких фамилий.

В наше советское время закон не чинит препятствий к переименованию неблагозвучных или нелепых фамилий и имен.

Тут хочется несколько слов сказать о нежелательных тенденциях некоторых, немногих к счастью, родителей давать своим русским детям имена, не свойственные русскому духу, звучащие странно и даже комично в сочетании с коренными, простыми русскими фамилиями. В этой тенденции сказывается преклонение таких родителей перед иностранной «красивостью». Нам пришлось просмотреть список учащихся одной из городских школ. Чаще всего встречались имена: Люмила, Инна, Валентина, Тамара, Лариса, Галина, Любовь, Светлана, Елена, Евгения, Ирина, Софья. Но наряду

с этими именами мы встретили также, как Назольда, Эльдората, Элеонора, Азалия, Элла. Отну девочку зовут Электрафикация (сокращено Фика, чем она очень довольна, хотя слово электрификация — когда оно не имя собственное, разумеется, — прекраснейшее слово).

Среди русских мужских имен неожиданно много Эдуардов, есть Артуря, Альфреды, Генриха, Гарри, Эмиля.

Иван Пonomarev переименовал в свое время имя и фамилию на Жан-Поль-Марк, оляин чулак — Иван Петров — наименовал себя «Крайник Комбайновым». Оба слова сами по себе, спорят нет, полезные, но при чем тут, спрашивается, имя или фамилия человека?

Попалась и такие родители, что из желания сорганизовать называли своих детей «Детекторы», «Радиола», совершенно не думая о том, что все эти Олочки и Теки в конце концов вырастут и станут Радиола Петровнами и Детекторами Кузьмичами. То чувство унижения человеческого достоинства, которое когда-то являлось результатом барской издевки, теперь иногда вдруг возникает у молодого человека только из-за того, что его родители выбор имени заменили наудачную игру и переименовали на шажу поноу не свойственное ей и неестественное.

В 1938 году Михаила Ивановича Калинин, беседа с учителями, сердечно пояснил: «Язык, на котором вы общаетесь с населением, давайте простым, своим, применяя естественный стиль. Если стиль неестественный, то получается отталкивающий привкус».

Это относится и к именам. Имя должно привлекать к человеку своей естественностью и простотой, а не отдалять и путать.

М. МАЗАНОВ

АРМАВИР

По следам неопубликованных писем

В редакцию «Литературной газеты» обратились читатели И. Сурицы с письмом, в котором сообщали о плохой учебно-воспитательной работе в ремесленном училище № 15 г. Уральска и недостойном поведении в быту директора училища В. Кучмы.

Письмо для проверки фактов было направлено в Министерство трудовых резервов СССР.

Начальник Главного управления училищ

и школ ФЗО Нижней Волги и Средней Азии тов. Карцев сообщил редакция, что факты, изложенные в письме тов. Сурицы, подтвердились.

Автомобильным областным управлением трудовых резервов приняты необходимые меры по наведению порядка в училище.

Постановлением бюро Уральского горкома КП(б) Казахстана на В. Кучму наложено строгое партийное взыскание.

Думаешь, что молодому писателю следует вернуться к этой глубокой и всегда волнующей теме. Повесть о Домбровском — залог того, что он сможет разрешить эту почетную, важную задачу.

Л. НИКУЛИН

ЗУБЛЕКАТЕЛЬНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ КЕШИ

Открываешь книгу А. Иванова «У синих гор» (Летгия, 1952 г., 158 стр.), и с первых же страниц попадаешь в замученный и пленительный мир якутской тайги. Векские леса шумят там хвоей сосен и лиственниц, там — горные воды колоды, таянья и прозрачны, и там же жители, охотники и оленеводы умеют слушать «музыку воды, камней и ветров».

Начинаешь знакомиться с героями этой книги и сразу чувствуешь, как силой писательского искусства автор какими-то незамысловатыми путями ведет их прямо к твоему сердцу.

Главный герой книги — якутский мальчик Кеша Аласов, будущий охотник и оленевод, но пока еще школьник, который любит ловить рыбу и подолгу любуется «на быстрые перекасты стайками синеватых хариусов», ищет с белоснежным оленем и подолгу думает о том, куда это летит осенью над тайгой стаи птиц и белые олени.

Но, конечно, Кеша не был бы героем ни в жизни, ни в книге, если бы не сделал чего-нибудь особенного. И Кеша это особенное сделал.

На зиму колхозники ушли охотиться. И случилось так, что охота прошла плохо, пушью зверь откопался из их урочищ, и к весне оказалось, что колхоз не смог выкормить лис. Тут вот и пришлось наблюдать Кешу в голую: а почему не посылать летом разведчиков в тайгу? Разведчики пойдут и посмотрят, где много коров зверей, где много белки и зайца, а у лисиц лис.

Колхозникам понравилась эта мысль, и разведчиками в тайгу идут дед Антипа и сам Кеша.

Дни, проведенные дедом Антипой и мальчиком в тайге, — лучшие страницы книги. Здесь и большая любовь к этому краю, и тонкие поэтические наблюдения, и детали, увиденные глазами художника. Автор видит, как, стуча по коре корюктами, играют на деревьях белышата; как лес, покачивая сухое дерево, слушает его протяжный скрип, который на звук струны; как в засуху «в густой траве стопа заснула крупные лесные цветы»... и лесной, мучимый жаждой, раскапывает перекошел русло ручья... Как живые, ходят по тайге эти два хороших человека — дед Антипа и мальчик Кеша. Мудрый Антипа учит мальчика, поимать тайгу — он на своем веку исколдил много тайжных троп; он знает, как выслышать зверя; он знает, как найти воду и как избежать опасно-

слово лунный, дневной свет». И троп — не просто условная тропка: «Широкая колея, проложенная арбой, по которой ехал всадник, была едва заметна в высокой, но редкой, почти лишенной солида, лесной траве. Это говорило о том, что аул еще далеко и дорога эта малопроезжаема. Она петляла от долины к долине». И о коне говорится удивительно точно и живописно: «Сидя на седле, он поворачивал шею и с мягкой поклоной ногой, — говорит Рудин как бы про себя, не отрывая следя за буланом. — Круп и холка на одном уровне; грудь и плечи, как у зубра — мощные; ноги хороши. Голова сухая, аккуратная, челюстные кости тонкие, ганаши достаточно широки. Глаза Валда, таких глаз не бывает у слабого коня! И, смотря-ка, сын мой, насколько далеко перепахивает он при ходьбе задними ногами след передних».

Фраза веселая, полная подробностей — рисунок, запаха, густоты света и тени. — важно и немедленно течет перед нашими глазами. Это настоящая повествовательная проза, и вытекает она, что особенно дорого и знаменательно, из величайшего опыта русской повествовательной прозы XIX века — только слегка прокалена суухватным горским юмором, легкой усмешкой немного-словного жестера горных уральцев.

Самое слабое в прозе Керашева — это, как прежде, описание душевных движений героев. Тут его словарь беднеет, тут появляются, — и это отнюдь не сразу с досадой, — и «слезящая душу страх», и «чувство ее внезапно вспыхнуло со всей пылающей», и «не смыкала глаз».

Нельзя обойти молчаньем и то, что концом талантливой книги написан несколько белое, чувствуется, что романтический начал сюжет не менее привлекает самого автора, нежели полная бытовая подробность развернутой экзистенции с ее портретными, пейзажными и производственными характеристиками.

Н. АТАРОВ

ГЕНЕРАЛ КОММУНЫ

Книга молодого писателя Д. Гранина «Ярослав Домбровский» («Молодая гвардия», 1951 г.) — это повесть о самоотверженной, доблестной борьбе польского революционера, талантливого генерала Коммуны, командующего западным фронтом в дни битвы с «версальскими мясниками». Это повесть о герою и любящем парижском рабочем, павшем смертью храбрых во имя Коммуны.

В книге Д. Гранина всего 183 страницы, но это одна из тех небольших книг, которые по своей значимости превосходят многие произведения великих писателей. Это повесть о героическом подвиге и о том, как в 1871 году впервые возникло имя Коммуны. Действующее в повести лицо много говорит о своей любви к этому замечательному городу, гордым великим революцией, между тем описание Парижа дается в повести эскизно, описательная часть бледнее образов, воплотивших парижского героя. А главное — огромное значение и роль, которую играют в те годы Карл Маркс и Генеральный Совет Интернационала. — об этом в повести «Ярослав Домбровский» рассказано несколько второпях, ско-

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СВЕЖИЙ ГОЛОС

Книга стихов курского поэта Ивана Юрченко «Созвездие» (Курск, 1952, 56 стр.) привлекает искренностью поэтического голоса. В маленькой книжке (которая, кстати сказать, могла бы быть издана полнее, — только уж невыразительна ее обложка) видны искры поэтических способностей молодого автора.

У класических стихов сборника следует отметить: «Мать война», «Курск», «Брянский дуб», «Печник», «Школа», «Таня», «Сегодня сын мой», «Вшвальщина».

Достоинством каждого из названных стихотворений является глубоко продуманная тема и внутреннее движение в стихотворении. За простыми я, на первый взгляд, незначительными явлениями жизни проступает большое содержание, органическая связь со временем, точное изображение нашего времени. Приведу одно из таких стихотворений целиком:

Двенадцать.
Но она не гасит света.
В избе уютной — звон свертка.
В руках у матери
Газета.
Газета шла издалека.
А в ней... —
Широкоплечий и строен
И строг, — рука у козырька,
Снят сын ее, советский воин,
В рост берет знаменем полка.

И мать, обета светлой думой,
Здесь засидела до утра.
А утро в окна хлынет с шумом,
И выйдет в поле трактора.
Ев будет радостно трудиться
И, выпрямясь по весь рост,
Смотреть, как шумная пшеница
Встает,
Бушует вверхлетая.

Как в савну взмывает птицы,
Как ясен полдень над землей,
И мать под вечер возвратится,
Помолодевшая, домой.

И вновь погнается к портрету,
К родным-родным чертам лица,
И в сонный раз прочтет газету
От заголовка до конца.

Читатель уже ясно, что это и есть стихотворение «Мать война». Чем оно хорошо? Прежде всего своей скупостью, внутренней

образностью, психологическим рисунком осязательной материи. Иной бы поэт подробно описал уранство избы, со всеми деталями быта, назвал бы газету, вероятно, для характеристики, сообщил о том, как мать достала из шкапулки очки, конечно, изобразил бы внешность матери... Юрченко, возможно, из-за отсутствия поэтической «опытности», случайно избежал всего этого, оставив перед читателем запоминающийся образ матери с трогательной «человеческой подробностью» о том, как она «под вечер возвратится, помолодевшая, домой... и в сотый раз прочтет газету от заголовка до конца».

Именно этой и есть поэзия, осязательная от осязательности и риторичности, так шедло расширяющийся в поэтической прозе неких поэтов опытных поэтов.

Значит ли, что в книге Ивана Юрченко нет недостатков? Конечно, они есть. Даже можно сказать, что большинство стихотворений в книжке несет на себе следы становления поэта, неуверенности, отделившей от второстепенного и очень часто просто поэтически недоработанно. Есть свои слабости и в проинтернованном мною стихотворении «Мать война». Третья строфа «И мать, обета светлой думой» заканчивается строками: «А утро в окна хлынет с шумом, и выйдет в поле трактора», а в следующей строфе «пшеница» получает эпитет «шумная», — не слишком ли близко?

Некоторые стихи сборника трафаретны. Читаясь, и вспоминаешь читаемое у других поэтов. Такие стихотворения, как «Колхозная весна», «Дом Советов», «Элеватор», «Лесоводы» и другие, снижают поэтический уровень сборника, говорят о том, что Иван Юрченко еще не умеет сам отобрать лучшее в своем творчестве. Особенно слабым является «Стихи о Ленине». Особенно слабым является картина «Они лишены жизненности». Корни их уходят в литературу. Как только поэт отстраняется от жизни, так в стихах появляются и «музыка страстная сила», и «музыка светлой радости», и труд, который «сморит... глазами красоты».

Думаешь, что Иван Юрченко сумеет преодолеть недостатки, собственные его первой книге, что его молодой, свежий голос окрепнет и зазвучит более громко и самостоятельно.

А. СОФОРОВ

ЛОЧЬ ШАНСУТОВ

Небольшую повесть написал адыгейский писатель, лауреат Сталинской премии — И. Керашев — «Лочь шансутов». Она издана на своей родине — в Майкопе в 1951 году. Это повесть о том, что случилось в годы революции и гражданской войны. Это повесть о том, что случилось в годы революции и гражданской войны. Это повесть о том, что случилось в годы революции и гражданской войны.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И ЕГО КАДРЫ

ПО СЛЕДАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

„О ПОЛЕЗНОСТИ РАБОЧЕГО ШАГА“

Директор издательства «Советский писатель» М. Корнеев сообщил, что редакционная статья «Литературная газета» от 5 августа 1952 года «Самым рабочим шагом» была обсуждена на совещании дирекции с участием всех редакционных работников издательства «Советский писатель». Признано, что статья «Литературная газета» правильно критикует недостатки в работе редакции литературы народов СССР и руководителю издательства. Отмечая некоторые достижения издательства по выпуску книг писателей братских республик, редакция литературы народов СССР и руководство издательства по выпуску книг писателей братских республик, редакция литературы народов СССР и руководство издательства по выпуску книг писателей братских республик, редакция литературы народов СССР и руководство издательства по выпуску книг писателей братских республик...

ведов, посвященные творческому взаимодействию двух братских культур». Судя по перспективному плану редакции, подобные книги последуют не скоро. Если же говорить о качестве сборника, то проблема решена в нем по многим иллюстрациям, но не по содержанию. Редакция литературы народов СССР и руководство издательства по выпуску книг писателей братских республик, редакция литературы народов СССР и руководство издательства по выпуску книг писателей братских республик...

«Жоно смело сказать, что в наше время ни одно ценное художественное произведение грузинского, армянского, белорусского, украинского и любого национального писателя не останется втуне, — говорил М. И. Калинин, — оно сейчас же выскочит на всевозможную арену, его подхватит не только русский народ, но и народы всего Советского Союза».

Знакомит всевозможного читателя с лучшими произведениями писателей народов СССР — одна из важнейших и ответственных задач Государственного издательства художественной литературы. Существующая в этом издательстве социальная редакция литературы народов СССР (главный редактор А. Рибинина) призвана обеспечивать выпуск на русском языке произведений писателей национальных литератур, фольклора и наиболее выдающихся произведений современных писателей братских республик.

Для решения этих задач редакция сделала не мало. Но результаты ее работы были бы значительно выше, если бы издательство настойчиво расширяло свой актив за счет привлечения высококвалифицированных кадров, проявляло бы подлинную заботу о выращивании их молодого поколения. Люди, кадры решают, как известно, успех любого дела.

В редакции литературы народов СССР Гослитиздата имеется список, насчитывающий более семидесяти человек. Это рецензенты, консультанты, переводчики, редакторы — нештатный актив редакции. И вот при первом же знакомстве с этим списком раскрывается картина этой «безымянности» нештатных переводчиков, рецензентов и редакторов. Ни списка в семидесяти с лишним человек, ни двадцать четыре в разную степень владеют национальными языками (большинство — украинским и белорусским, двое — армянским, двое — татарским языками, двое — грузинским и один — эстонским).

Писатель Сергей Бородин взялся перевести с таджикского языка роман Алии «Бухара». В полстолетие он натолкнулся на слово «ходжа го». В таджикском языке с помощью приставки «го» образуется множественное число, а слово «ходжа» означает «господин», «хозяйин», «владыка». Автор подстрочника, не зная, как перевести во множественное число слово «ходжа», оставил его с приставкой «го». С. Бородин воспринял это буквально и превратил слово «ходжа» в несуществующую национальность — ходжагоцев...

Бородинским «ходжагоцам» может быть, не следовало бы уделять здесь внимания, если бы этот факт не имел себе подобных в других изданиях. Речь идет о культуре перевода. При нынешней практике ее уровень не может удовлетворить возрастающих требований читателя, который хочет, чтобы переводы книг писателей братских республик передавали дух оригинала, его национальные особенности и уж, само собой, не содержали никаких искажений. А для этого переводчик, в первую очередь переводчик прозы, необходима специализация.

Думается, что и рецензенты издательства должны стремиться привлекать к учету того, знакомы ли они с литературой республики, с творчеством того писателя, произведение которого им доверяют оценить. К сожалению, в практике работы Гослитиздата это далеко не всегда соблюдается.

Трудно пропустить мимо себя Б. Басаргина. Судя по написанной рецензии, он имеет очень смутное представление об этом поэте и его творчестве. «На вступительной статье», — пишет он, — нет необходимости останавливаться — она вне литературы и, тем более, вне литературоведческой работы». Прикрываясь такой баррикадой действительная, в нескольких рассказах В. Дудинцева. И несмотря на то, что рассказы были сюжетно законченными, порою мелькала смутная догадка: а не фрагменты ли это большой повести, над которой работает молодой писатель? Перва, недавно вышедшая книга рассказов В. Дудинцева «У семи богатырей» («Советский писатель», 1952 г. 242 стр.) опровергла эту догадку.

Рассказы о подвиги сложились здесь в единый цикл. Главные герои одного рассказа уступают в следующем рассказе место своим соседям; судьбы развиваются; входят в повествование новые люди. Грушка, который в первом рассказе привстал как «самый молодой взрывник в бригаде», в последнем предстает перед нами уже как Григорий Мухин, бригадир и мастер своего дела.

Этот цикл, озаглавленный, как и вся книга, «У семи богатырей», состоит из пяти рассказов. Еще шесть рассказов сведены во второй цикл — «Руки друзей». Здесь также можно встретить героев, упоминаемых в нескольких рассказах.

Вместе с привязанностью к своим героям есть у Дудинцева и привязанность к одной, главной для его книги, теме. Эта тема — человек, идущий к своей цели.

Чаще всего люди в рассказах этой книги показаны в пути. Путь у них нелегкий, но люди, с которыми мы знакомимся, заставляют нас верить, что они непременно дойдут туда, куда хотят пойти. Бригада Снарского проложит трассу железной дороги сквозь гранитные скалы. Грушка Мухин сам становится бригадиром. Герой написанного от первого лица рассказа «Горная болезнь», несмотря на раненую ногу, доберется до деловой вершины горы Адай-Хок. А рассказ «Лыжный след» и заканчивается такими словами вдовушку уходившему на лыжах механику Леше: — Дойдет! Теперь он полетит, как на крыльях!

На этом рассказе хочется остановиться подробнее. В жестокий морозный день рассказчик, направляющийся на санях из одного села в другое, встречает на пути лыжного след. След тянется долго. Наконец, показывается и лыжник. У него охотничьи ружье и убитая красная лиса. Леше, по его словам, он убил мишкой, а сам идет в то же село, куда едет и рассказчик. — Хочет добыть в МТС подлинник, который понадобится в мастерской, где он работает механиком. Позже выясняется, что подлинник-то ему, конечно, нужен, но трудное лыжное путешествие Леше затеял, главным образом, потому, что здесь живет девушка, которую он любит. Для нее же подстрелена и лиса.

Мягко и поэтично написан этот рассказ. Очень хорош в нем старый механик Панкратий Свельдинов, улыбающийся у Лени и Катерины еще не высказанную им друг другу любовь.

Более полугодом прошло со времени всеобщего совещания переводчиков, которое намечено ряд мер для улучшения дела издания литературы на языках народов СССР. Но до сих пор решения эти не выполняются. Квалифицированные кадры переводчиков и редакционно-издательских работников для издания периодической литературы с языков братских народов не подготовлено. Изучение языков попрежнему не организовано. И создается впечатление, что проблема подготовки кадров переводчиков никого не интересует — ни издателей, ни руководителей Союза советских писателей. Разве нельзя было, к примеру, организовать специальные семинары, курсы в республиках или в Москве для переводчиков с национальных языков? Следует в конце концов сдвинуть с мертвой точки дело изучения национальных языков нашими писателями, работающими в области перевода.

Сотрудники редакции литературы народов СССР Гослитиздата жалуются на отсутствие работников, знающих языки. Но такие кадры все же можно было бы найти. И в Институте востоковедия, и в Московском государственном университете, и в Литературном институте имени Горького есть немало способной молодежи из республик. Ее надо привлекать к работе гораздо скорее, чем это делается сейчас, давать задания по рецензированию, переводам, терпеливо учить этому ответственному делу.

Такое крупное издательство, каким является Государственное издательство художественной литературы, может своими силами сделать много. Вокруг редакции литературы народов СССР Гослитиздата должен быть создан широкий актив переводчиков, рецензентов, редакторов, в котором сочетались бы старые и молодые кадры, а уделенный им вес авторов, знающих языки, был бы значительно повышен.

И пора уже решать эту проблему всерьез. Жизнь настоящего требует этого.

И особенно хорошо в рассказе «Ближе жизненных мотивов, органически слитых, значительных и подхваченных до настоящего художественного общения. След одного лыжника не впервые появляется в литературе. Но в старых книгах этот рисунок на снегу обычно прочерчивал сильный, но духовно надломленный неудачник, высланный из общества, жестоко, заведомо обреченный. Здесь, в рассказе В. Дудинцева, этот лыжный след оставляет юноша с необычайно целостным духовным миром, черпающий силу в постоянно ощущаемой «руке друзей», гордый своей профессией и уверенный в том, что сумеет «дойти», куда бы ни пожелал, именно потому, что на своем пути он не одинок.

«Лыжный след» и «Дуся и Тимофей» — лучшие рассказы книги.

Рассказ «У семи богатырей», давший название всей книге, несколько разрастался, но собран. Он и вправду, пожалуй, более походит на фрагмент неоконченной повести, чем на рассказ. В некоторых рассказах второго цикла («Руки друзей», «Встреча с безоземью», «Из ночной смелости») проявляется временами излишнее тяготение к непростому письму, к словесным выкруткам, к затуманенной фразе. Если эти рассказы написаны раньше прочих (даты в книге отсутствуют), значит В. Дудинцев усложняется из-за этих недостатков. Если же они относятся к последнему времени, — автору стоит своевременно напомнить о том, что вычурность и витиеватость никогда не украшают прозу.

Как и его герои, автор сейчас в пути. Книга позволяет верить, что и он также дойдет до цели.

А. МАРЬЯМОВ

СЛОВО МАТЕРИ

В поэзии нет ничего дороже искренности; за самыми глубокими словами читатель чувствует пустоту сердца поэта и равнодушно пробегает глазами строки стихов, в которых, казалось бы, наиболее привлекают внимание и звонкое название, и звучные ритмы, и цветистые сравнения. И, напротив, бывает, что поэт с такой простотой говорит о вещах, дорогих людскому сердцу, что сама эта простота, верная путница искренности, делается в глазах читателя важным достоинством стихов.

Именно с такой идущей от сердца простотой написана книга молодой армянской поэтессы Маро Маркрян «Голос матерей». Название книги отвечает ее содержанию: со страниц ее говорят советская мать, говорит о своем труде и о своих детях, о своих родных и друзьях, о своих заботах и радостях, о своей любви и ненависти.

О ненависти в книге сказано просто и сильно. Так, например, сказала бы врагам мира каждая советская мать, владеет она поэтическим даром.

У человека создала, Ночей над сыном не спала, А вы готовите ему Снаряды, газы и суму. Я ненавижу вас!

С такой же простотой и силой сказано и о том, что любит мать:

Родина и сын — милые жизни, Нет богатства для меня ценней. Юношам что делать без отчины? Родина мертва без сыновей...

Всех сокровищ мне они дороже. Умереть за вас готова я — Мой сынок, вестись и приюжить, И бесценной родины края.

И дальше, когда читается стихотворение за стихотворением, в них возникают все новые и новые стороны этой любви, все новые дорогие подробности жизни советской матери, о которой сложена эта книга стихов. Прежде всего хочется обратить в ней внимание читателя на стихи о детях. В них присутствует раздумье матери и над собственной судьбой, и над судьбами детей.

Ведь если бы даже, Раздумье, бесценно Расстреляла годы, — Настал бы пора, Мамочка, малыш, Когда ты за это Меня не простишь, — пишет М. Маркрян в стихотворении «Ревность», рассказывая о том, как мать, хотя ей это подчас и нелегко, сознательно делит свою жизнь между детьми и работой. А в стихотворении «Завтра», говоря о будущем о детях того же, что она требует от самой себя — служения Родине, — мать строго и сурово говорит:

Если пройдут годы бесследно, Если твое праздное житье, — Не вспоминая матери бедной, Не вспоминая мою!

С мягкой улыбкой написаны стихи «Проману», «Делушкины очки», «Хозяйка» — в них взрослые даны глазами ребенка, но это не лишает стихи ни серьезности, ни глубины, в особенности первое из трех упомянутых.

Нечто из хороших стихов и в других отделах книги; среди них хочется бы назвать стихи: «Наша любовь», «Пролетцы цветов», «Красавица Соня», «Веселая». В дух, на мой взгляд, особенно удачных стихотворений «Родство» и «Пою в Москву» с большой свежестью, очень по-новому, сказано о дружбе народов в нашей стране; эти немногочисленные стихи дышат искренностью и силой чувства.

Отрадно, что в армянской поэзии, где еще несколько лет назад преобладали много писались дроздовидными на тему, уводя-

О полезном фильме для детей и равнодушных дядя-кинопрокатчиках

Долго, очень долго не радовали наши кинематографисты советскую детвору новинками, специально для нее предназначенными фильмами. И понастарею интересе юных зрителей к детскому фильму «Пахта-ой», недавно вышедшему на экраны таджикской кинематографии. Интерес этот увеличивается еще и потому, что «Пахта-ой» открывает новые для нашей художественной кинематографии жанр советской сказки, в которой фантастика тесно переплетается с реальной жизнью.

Почти неслучайно с первых же кадров зрителя захватывает борьба узбекского пионера Хасана с Гармисем — злым ветром каракумских песков, показывающего сперва в виде фигурки, нарисованной на странице альбома, а потом внезапно ожившей.

Хасан самоотверженно вырывает из безымянной девочки Пахта-ой, чей сказочный образ символизирует цветущий урожай хлопка в Советском Узбекистане. И хотя Хасан борется в фантастической обстановке, все смелые поступки мальчика реально показывают лучшие качества наших юных пионеров: умение держать слово, верность другу, настойчивость в преодолении препятствий. И путь Хасана, переработанного Гармисем в лихорадку, полон трудностей. Но мальчик выходит из борьбы победителем: Пахта-ой благополучно поспевает на праздник урожая, а злой ветер Гармисей снова становится неподвижным, сморзшим рисунком в альбоме школьника.

Действие разворачивается на экране стремительно и захватывающе. Основные роли в фильме исполняют сверстники тех, кем заподнен зрительный зал. Это, естественно, создало дополнительные трудности для режиссера Б. Ярматова. И все же режиссеру удалось быть предельно точным в трактовке юных исполнителей, играть «спод настоящих актеров».

Мало того, нарочитостью и ложной театральностью некоторых кадров (особенно в заключительной части) режиссер невольно толкает ребят на путь напыщенности, переигрывания. Явно недостаточно поработано над языком своих героев сценаристы В. Викторович и М. Сарюков.

Несмотря на эти изъяны, «Пахта-ой» по-настоящему увлекает детвору. М. Е. Салтыков-Щедрин высмеивал «мудрых» авторов, считающих излишним показывать детям «то, что наиболее занимает пылкий ум ребенка; то, что находится у него беспрестанно под руками, те предметы физического мира, в кругу которых они вырастают». Авторам же нового фильма как раз и удалось, не нарушая динамики развития сказочного сюжета, ярко показать многообразие и неслучайно богатство одного из предметов физического мира, с которыми повседневно сталкивается юный зритель.

Увлекает детвору изобретательность оператора и режиссера, сумевших с помощью комбинированных съемок создать в своем фильме подлинно сказочную атмосферу.

Новый фильм заслуживает широкого показа юным зрителям особенно в дни

Ц. СОЛОДАРЬ

К 150-летию со дня смерти А. Н. Радищева

ПЕЛЗА. (Наш мур). В связи с исполняющимся 24 сентября 150-летием со дня смерти А. Н. Радищева Пензенский обком ВКП(б) принял постановление о широкой популяризации творчества и деятельности великого русского писателя, революционера и философа.

На промышленных предприятиях, в колхозах, совхозах, МТС и учебных заведениях будут проведены литературные вечера и читательские конференции по произведениям Радищева. Оформляются выставки и фото-

витрины, посвященные жизни и деятельности писателя.

В городах Пензе, Кузнецке и на родине писателя — в селе Верхнее Алазоево — 24 сентября будут проведены собрания трудящихся, посвященные А. Н. Радищеву.

За последние дни увеличилось число посетителей музея имени Радищева в селе Верхнее Алазоево. В музее побывали рабочие ряда предприятий Пензы и Кузнецка, студенты саратовских и пензенских вузов, пионеры и школьники.

«Музыкальному ящику». Можно назвать еще и рассказы «Параллели», «Индустриальные ритмы» и некоторые другие.

Кроме рассказов, в книгу включено несколько фельетонов — и большинство из них — по праву. Такие из них, как «Световые эффекты», «Гостеприимные простои», «По стопам Лизаветы», запоминаются своей обильной остротой, хотя, казалось бы, непосредственные поводы, по которым они появились в свое время на газетных листах, и отошли в прошлое.

А. Ионов умеет видеть гинило в характере своих отрицательных персонажей, черты, которые делаются их уроудливо-смешными. Но эти люди не только смешны, но и вредны. Поэтом писатель старается сделать самое главное в их повадках и так сказать, в концентрированном виде преподнести это на суд читателя. Вот почему в некоторых рассказах книги юмор его получается тонкое направление, бьет не в бровь, а в глаз.

Автор умеет рассмешить читателя (а автор юмористических рассказов, вообще говоря, должен к этому стремиться, вопреки мнению некоторых слишком смурных критиков). Но он делает это не при помощи анекдотических случайностей и острот, вложенных в уста персонажей, а пробует идти более трудным и более благородным путем — он сталкивает живые человеческие характеры в таких острых и забавных, но в то же время жизненных положениях, когда эти характеры вынуждены раскрываться так, что делается очевидной их недостаточность, вызывая у читателя реакцию смеха и реакцию негодования.

Не все рассказы, помещенные в книгу, получились удачными. Нередко А. Ионову изменяет чувство юмора и художественный вкус. Только этим можно объяснить появление в книге рассказа «Золотые червяки». Писатель повел речь о развитии трудового шелководства. Рассказ получился не смешной. Слово чувствуется, что автор постарался раскрутить его (авось, читатель подарит ему два и улыбнется!).

Думается также, что книга только выиграет бы, если бы в ней отсутствовал также и рассказ «Хандра». Надуманный — враг любого художественного произведения. Поэтом не верни образу директора завода Серонтина, который не знает, что продукция завода идет великим стройкам, и оттого хандрит.

Наши областные издательства не часто обращаются к жанру юмора и сатиры. Выпустив книгу «Музыкальный ящик», Сталинское областное издательство сделало полезное дело.

Георгий ГУЛИА

В ПУТИ

В Дудинцев начал печататься после войны в «Юнкере» журналах. Время от времени его рассказы появлялись в «Юнkers» и в «Смене». Рассказы эти запомнились.

Так запомнились фемора подрыльников — бригада Прокопия Семира Снарского. Эта

бригада действовала в нескольких рассказах В. Дудинцева. И несмотря на то, что рассказы были сюжетно законченными, порою мелькала смутная догадка: а не фрагменты ли это большой повести, над которой работает молодой писатель? Перва, недавно вышедшая книга рассказов В. Дудинцева «У семи богатырей» («Советский писатель», 1952 г. 242 стр.) опровергла эту догадку.

Рассказы о подвиги сложились здесь в единый цикл. Главные герои одного рассказа уступают в следующем рассказе место своим соседям; судьбы развиваются; входят в повествование новые люди. Грушка, который в первом рассказе привстал как «самый молодой взрывник в бригаде», в последнем предстает перед нами уже как Григорий Мухин, бригадир и мастер своего дела.

Этот цикл, озаглавленный, как и вся книга, «У семи богатырей», состоит из пяти рассказов. Еще шесть рассказов сведены во второй цикл — «Руки друзей». Здесь также можно встретить героев, упоминаемых в нескольких рассказах.

Вместе с привязанностью к своим героям есть у Дудинцева и привязанность к одной, главной для его книги, теме. Эта тема — человек, идущий к своей цели.

Чаще всего люди в рассказах этой книги показаны в пути. Путь у них нелегкий, но люди, с которыми мы знакомимся, заставляют нас верить, что они непременно дойдут туда, куда хотят пойти. Бригада Снарского проложит трассу железной дороги сквозь гранитные скалы. Грушка Мухин сам становится бригадиром. Герой написанного от первого лица рассказа «Горная болезнь», несмотря на раненую ногу, доберется до деловой вершины горы Адай-Хок. А рассказ «Лыжный след» и заканчивается такими словами вдовушку уходившему на лыжах механику Леше: — Дойдет! Теперь он полетит, как на крыльях!

На этом рассказе хочется остановиться подробнее. В жестокий морозный день рассказчик, направляющийся на санях из одного села в другое, встречает на пути лыжного след. След тянется долго. Наконец, показывается и лыжник. У него охотничьи ружье и убитая красная лиса. Леше, по его словам, он убил мишкой, а сам идет в то же село, куда едет и рассказчик. — Хочет добыть в МТС подлинник, который понадобится в мастерской, где он работает механиком. Позже выясняется, что подлинник-то ему, конечно, нужен, но трудное лыжное путешествие Леше затеял, главным образом, потому, что здесь живет девушка, которую он любит. Для нее же подстрелена и лиса.

Мягко и поэтично написан этот рассказ. Очень хорош в нем старый механик Панкратий Свельдинов, улыбающийся у Лени и Катерины еще не высказанную им друг другу любовь.

В. Дудинцев начал печататься после войны в «Юнкере» журналах. Время от времени его рассказы появлялись в «Юнkers» и в «Смене». Рассказы эти запомнились.

Так запомнились фемора подрыльников — бригада Прокопия Семира Снарского. Эта

бригада действовала в нескольких рассказах В. Дудинцева. И несмотря на то, что рассказы были сюжетно законченными, порою мелькала смутная догадка: а не фрагменты ли это большой повести, над которой работает молодой писатель? Перва, недавно вышедшая книга рассказов В. Дудинцева «У семи богатырей» («Советский писатель», 1952 г. 242 стр.) опровергла эту догадку.

Рассказы о подвиги сложились здесь в единый цикл. Главные герои одного рассказа уступают в следующем рассказе место своим соседям; судьбы развиваются; входят в повествование новые люди. Грушка, который в первом рассказе привстал как «самый молодой взрывник в бригаде», в последнем предстает перед нами уже как Григорий Мухин, бригадир и мастер своего дела.

Этот цикл, озаглавленный, как и вся книга, «У семи богатырей», состоит из пяти рассказов. Еще шесть рассказов сведены во второй цикл — «Руки друзей». Здесь также можно встретить героев, упоминаемых в нескольких рассказах.

Вместе с привязанностью к своим героям есть у Дудинцева и привязанность к одной, главной для его книги, теме. Эта тема — человек, идущий к своей цели.

Чаще всего люди в рассказах этой книги показаны в пути. Путь у них нелегкий, но люди, с которыми мы знакомимся, заставляют нас верить, что они непременно дойдут туда, куда хотят пойти. Бригада Снарского проложит трассу железной дороги сквозь гранитные скалы. Грушка Мухин сам становится бригадиром. Герой написанного от первого лица рассказа «Горная болезнь», несмотря на раненую ногу, доберется до деловой вершины горы Адай-Хок. А рассказ «Лыжный след» и заканчивается такими словами вдовушку уходившему на лыжах механику Леше: — Дойдет! Теперь он полетит, как на крыльях!

На этом рассказе хочется остановиться подробнее. В жестокий морозный день рассказчик, направляющийся на санях из одного села в другое, встречает на пути лыжного след. След тянется долго. Наконец, показывается и лыжник. У него охотничьи ружье и убитая красная лиса. Леше, по его словам, он убил мишкой, а сам идет в то же село, куда едет и рассказчик. — Хочет добыть в МТС подлинник, который понадобится в мастерской, где он работает механиком. Позже выясняется, что подлинник-то ему, конечно, нужен, но трудное лыжное путешествие Леше затеял, главным образом, потому, что здесь живет девушка, которую он любит. Для нее же подстрелена и лиса.

Мягко и поэтично написан этот рассказ. Очень хорош в нем старый механик Панкратий Свельдинов, улыбающийся у Лени и Катерины еще не высказанную им друг другу любовь.

В. Дудинцев начал печататься после войны в «Юнкере» журналах. Время от времени его рассказы появлялись в «Юнkers» и в «Смене». Рассказы эти запомнились.

Так запомнились фемора подрыльников — бригада Прокопия Семира Снарского. Эта

бригада действовала в нескольких рассказах В. Дудинцева. И несмотря на то, что рассказы были сюжетно законченными, порою мелькала смутная догадка: а не фрагменты ли это большой повести, над которой работает молодой писатель? Перва, недавно вышедшая книга рассказов В. Дудинцева «У семи богатырей» («Советский писатель», 1952 г. 242 стр.) опровергла эту догадку.

Рассказы о подвиги сложились здесь в единый цикл. Главные герои одного рассказа уступают в следующем рассказе место своим соседям; судьбы развиваются; входят в повествование новые люди. Грушка, который в первом рассказе привстал как «самый молодой взрывник в бригаде», в последнем предстает перед нами уже как Григорий Мухин, бригадир и мастер своего дела.

Этот цикл, озаглавленный, как и вся книга, «У семи богатырей», состоит из пяти рассказов. Еще шесть рассказов сведены во второй цикл — «Руки друзей». Здесь также можно встретить героев, упоминаемых в нескольких рассказах.

Вместе с привязанностью к своим героям есть у Дудинцева и привязанность к одной, главной для его книги, теме. Эта тема — человек, идущий к своей цели.

Чаще всего люди в рассказах этой книги показаны в пути. Путь у них нелегкий, но люди, с которыми мы знакомимся, заставляют нас верить, что они непременно дойдут туда, куда хотят пойти. Бригада Снарского проложит трассу железной дороги сквозь гранитные скалы. Грушка Мухин сам становится бригадиром. Герой написанного от первого лица рассказа «Горная болезнь», несмотря на раненую ногу, доберется до деловой вершины горы Адай-Хок. А рассказ «Лыжный след» и заканчивается такими словами вдовушку уходившему на лыжах механику Леше: — Дойдет! Теперь он полетит, как на крыльях!

На этом рассказе хочется остановиться подробнее. В жестокий морозный день рассказчик, направляющийся на санях из одного села в другое, встречает на пути лыжного след. След тянется долго. Наконец, показывается и лыжник. У него охотничьи ружье и убитая красная лиса. Леше, по его словам, он убил мишкой, а сам идет в то же село, куда едет и рассказчик. — Хочет добыть в МТС подлинник, который понадобится в мастерской, где он работает механиком. Позже выясняется, что подлинник-то ему, конечно, нужен, но трудное лыжное путешествие Леше затеял, главным образом, потому, что здесь живет девушка, которую он любит. Для нее же подстрелена и лиса.

Мягко и поэтично написан этот рассказ. Очень хорош в нем старый механик Панкратий Свельдинов, улыбающийся у Лени и Катерины еще не высказанную им друг другу любовь.

В. Дудинцев начал печататься после войны в «Юнкере» журналах. Время от времени его рассказы появлялись в «Юнkers» и в «Смене». Рассказы эти запомнились.

Так запомнились фемора подрыльников — бригада Прокопия Семира Снарского. Эта

бригада действовала в нескольких рассказах В. Дудинцева. И несмотря на то, что рассказы были сюжетно законченными, порою мелькала смутная догадка: а не фрагменты ли это большой повести, над которой работает молодой писатель? Перва, недавно вышедшая книга рассказов В. Дудинцева «У семи богатырей» («Советский писатель», 1952 г. 242 стр.) опровергла эту догадку.

Рассказы о подвиги сложились здесь в единый цикл. Главные герои одного рассказа уступают в следующем рассказе место своим соседям; судьбы развиваются; входят в повествование новые люди. Грушка, который в первом рассказе привстал как «самый молодой взрывник в бригаде», в последнем предстает перед нами уже как Григорий Мухин, бригадир и мастер своего дела.

Этот цикл, озаглавленный, как и вся книга, «У семи богатырей», состоит из пяти рассказов. Еще шесть рассказов сведены во второй цикл — «Руки друзей». Здесь также можно встретить героев, упоминаемых в нескольких рассказах.

Вместе с привязанностью к своим героям есть у Дудинцева и привязанность к одной, главной для его книги, теме. Эта тема — человек, идущий к своей цели.

Чаще всего люди в рассказах этой книги показаны в пути. Путь у них нелегкий, но люди, с которыми мы знакомимся, заставляют нас верить, что они непременно дойдут туда, куда хотят пойти. Бригада Снарского проложит трассу железной дороги сквозь гранитные скалы. Грушка Мухин сам становится бригадиром. Герой написанного от первого лица рассказа «Горная болезнь», несмотря на раненую ногу, доберется до деловой вершины горы Адай-Хок. А рассказ «Лыжный след» и заканчивается такими словами вдовушку уходившему на лыжах механику Леше: — Дойдет! Теперь он полетит, как на крыльях!

На этом рассказе хочется остановиться подробнее. В жестокий морозный день рассказчик, направляющийся на санях из одного села в другое, встречает на пути лыжного след. След тянется долго. Наконец, показывается и лыжник. У него охотничьи ружье и убитая красная лиса. Леше, по его словам, он убил мишкой, а сам идет в то же село, куда едет и рассказчик. — Хочет добыть в МТС подлинник, который понадобится в мастерской, где он работает механиком. Позже выясняется, что подлинник-то ему, конечно, нужен, но трудное лыжное путешествие Леше затеял, главным образом, потому, что здесь живет девушка, которую он любит. Для нее же подстрелена и лиса.

Мягко и поэтично написан этот рассказ. Очень хорош в нем старый механик Панкратий Свельдинов, улыбающийся у Лени и Катерины еще не высказанную им друг другу любовь.

В. Дудинцев начал печататься после войны в «Юнкере» журналах. Время от времени его рассказы появлялись в «Юнkers» и в «Смене». Рассказы эти запомнились.

Так запомнились фемора подрыльников — бригада Прокопия Семира Снарского. Эта

бригада действовала в нескольких рассказах В. Дудинцева. И несмотря на то, что рассказы были сюжетно законченными, порою мелькала смутная догадка: а не фрагменты ли это большой повести, над которой работает молодой писатель? Перва, недавно вышедшая книга рассказов В. Дудинцева «У семи богатырей» («Советский писатель», 1952 г. 242 стр.) опровергла эту догадку.

«НЬЮСУИК» ВЕРБУЕТ ПОДПИСЧИКОВ...

Земной шар, изображенный на этом рисунке, вращается вокруг оси — гигантской спицы, готовой в любую минуту воспламениться. Подпись злобце вопрошает: «Где произойдет следующая вспышка?»... Так выглядит рекламное объявление американского реакционного еженедельника «Ньюсуик», приглашающее подписываться на этот журнал.

Чем «Ньюсуик» пытается заманить читателей? Какие радости он им сулит? Объявление дает исчерпывающий ответ на эти вопросы. В качестве главной «приманки» фигурирует... перспектива войны!

Злобце карая, «Ньюсуик» пытается внушить читателям мысль о неизбежности новой мировой войны. Журнал уверяет читателей, что война может «вспыхнуть в любой момент в любом месте», и берет, как профессиональная гадалка, предсказывать, где именно «произойдет следующая вспышка». А поему — читайте «Ньюсуик»!

Американская реакционная пресса умудряется, как мы видим, разжигать военную истерию даже в рекламных объявлениях.

Красноречивые признания

Предположим, что в какой-нибудь американской газете опубликовано адресованное читателям предложение: прислать ответы на следующие пять вопросов.

Вопрос № 1. Довольны ли вы тем, как идут дела в стране?

Вопрос № 2. Как вы относитесь к войне в Корее?

Вопрос № 3. Ваше мнение о ценах и налогах?

Вопрос № 4. Не находите ли вы, что США переживают сейчас период делового бума или спадания?

Вопрос № 5. Что вы думаете о политике правительства?

Впрочем, вряд ли найдется в «демократической» Америке хоть одна газета или журнал, кроме весьма небольшого числа прогрессивных изданий, которые напечатали бы такие вопросы и поместили бы под ними подлинно ответные рядовых американцев.

Тем не менее ответы на поставленные выше вопросы все же можно найти и на страницах реакционной печати, вынужденной иногда, съев зубы, говорить правду о настроениях американского народа. Например, журнал «Юнайтед Стейтс нью энд Уорлд рипорт» опубликовал недавно статью под красноречивым заголовком «Почему народ встревожен?» Авторы статьи предупреждают своих читателей-бизнесменов, на которых, собственно, и рассчитан этот журнал, что в американском народе зреет весьма тревожное недовольство.

Если сопоставить вопросы приведенной нами «анкеты» с некоторыми открытыми признаниями, содержащимися на страницах «Юнайтед Стейтс нью энд Уорлд рипорт», то легко можно представить себе, что думают в действительности рядовые американцы. Вот цитаты из статьи, являющиеся, по существу, краткими, но исчерпывающими ответами на приведенные выше вопросы:

Ответ № 1. «По всей стране народ недоволен и неудовлетворен тем, как идут дела...»

Ответ № 2. «Народу не нравится война в Корее».

Ответ № 3. «Население недоволено... высокими налогами. Стышатся одинаковые доходы — высокие налоги, высокие цены».

Ответ № 4. «Народ склонен насмехаться над вапшистскими сообщениями о деловом буме». ...Широко распространено мнение, что современное положение носит все признаки «делового бума».

Ответ № 5. Народ жаждет также «на непомерное правительство расходы» и на непомерное руководство...»

Таковы ответы, которые поневоле вынуждены дать корреспонденты американского реакционного журнала.

«Забастовка против рабских условий труда в текстильной промышленности» — гласит лозунг на одном из плакатов, которые бастующие канадские текстильщики пронесли по улицам Монреаля. Рабочие текстильной фабрики «Доминион текстилс Холдингс» устроили стачку в знак протеста против низкой заработной платы и притеснений со стороны администрации на предприятии. На фото — группа бастующих текстильщиц фабрики Холелла.

Преградим дорогу войне!

Айвор МОНТЕГО

Когда полтора года тому назад Всемирный Совет Мира, заседавший в Берлине, обратился к великим державам с призывом урегулировать разногласия путем переговоров и заключить соглашение, в это обращение был включен следующий параграф, вызвавший много споров:

«Мы будем рассматривать отказ правительства любой из великих держав от встречи в целях заключения Пакта Мира как свидетельство агрессивных замыслов этого правительства».

Многие искренние сторонники переговоров сомневались тогда в правильности подобной оценки. По их мнению, отказ от переговоров мог диктоваться, помимо агрессивных замыслов, и другими мотивами; например, ложными опасениями или неуместной гордыней...

Некоторые готовы были принять за истинную монету даже «деловые» соображения, вроде тех, какие были, например, изложены в письме члена английского парламента Сиррилла Оберона, опубликованном в газете «Таймс» в мае прошлого года. Оберон писал: «Мир в Корее привел бы к экономическому хаосу и к дальнейшему хаосу, всякая угроза ослабления темпов вооружения, не говоря уже о заключении мира, означала бы катастрофу для мировых рынков...».

Всемирный Совет Мира стоит на позиции, которая может объединить всех, кто искренне хочет мира и выступает против войны. Призывая к переговорам и заключению соглашения, мы не пытаемся диктовать условия этого соглашения. Мы предлагаем конструктивные предложения и приглашаем всех людей, действительно желающих мира, вносить свои дополнения и улучшения. В этом — наш долг. Мы не стараемся устанавливать некие непреложные истины. Мы просто стремимся добиться того, чтобы разногласия были улажены в ходе переговоров.

Выступая против гонки вооружений, сторонники мира никогда не призвали, как это представляют себе некоторые противники нашего движения, полагаться только на добрую волю, не ратовали мы и за одностороннее или неконтролируемое разоружение.

Мы уважаем взгляды других людей, как бы ошибочны они ни казались некоторым из нас. Например, взгляды тех, кто до сих пор еще искренне верит ложным утверждениям о том, что проводимая в некоторых странах гонка вооружений якобы «необходима» для обороны. Но мы вправе задать вопрос всем, желающим мира: каково их отношение к гонке вооружений, осуществляемой под флагом «обороны», если это сопровождается отказом от переговоров, хотя предлог «самообороны» сейчас с каждым днем теряет свою убедительность?

Ведь даже лица, которые поддерживают политику накалывания «подавляющей военной мощи», не раз признавали в минуты открытости, что они не верят в реальность «угроз с Востока». Так, в сентябре 1951 года г-н Эттли признался: «Я не думаю, чтобы Советская Россия замыслила войну».

Начальник штаба вооруженных сил организации Североатлантического союза генерал Грантер заявил на заседании комиссии по иностранным делам палаты представителей США: «Я не думаю, что нападение последует вскоре; мне даже кажется, что его никогда не будет».

Если нет угрозы нападения, для чего же тогда вооружаться?

После того, как полтора года назад Всемирный Совет Мира выступил с призывом к переговорам, под его началом было не только собрано 600 миллионов подписей, — идея переговоров с тех пор овладела умами миллионов простых людей.

Сегодня ни один политический деятель не рискует выступить против переговоров. Поэтому и заявляют, что вооружение, дескать, «необходимо»... для переговоров, «переговоров с позиции силы». Нет необходимости в доказательствах того, что под этим понимается. За этими словами скрывается лишь один смысл — переговоры под угрозой ультиматума.

Именно такова цель американской политики. Это открыто заявляет, скажем, член английского парламента Ричард Кроссман. Он писал в лондонской газете «Санди пикетризи», что по мере развертывания гонки вооружений аппетиты Социальных Штатов все возрастают и что американский план победы в «холодной войне» четок и логичен: перевооружить Западную Германию, прервать ее в мощных плацдарм, а затем, действуя с этой позиции силы, заставить русских отступить»...

Для этого и создаются атлантические вооруженные силы. Это прямо признает, например, военный корреспондент английской газеты «Дейли телеграф энд Морнинг пост» генерал-лейтенант Г. Мартин. В апреле 1952 года он опубликовал весьма знаменательную статью. «Уместно напомнить», — говорила в ней, — что эта будущая «Восточная армия» имеет предшественника, который во многих основных чертах поразительно ее напоминает. Это — «сельская армия» Наполеона, насчитывавшая 675 тысяч человек под ружьем, с которой он вторгся в июне 1812 года в Россию».

Отмечая, что такой «экскурс в историю этого (то есть, наполеоновского. — А. М.) похода» может оказаться весьма полезным при выборе «формы будущего похода», Мартин заключает: все будет хорошо «при условии способного руководства». Уместно напомнить генералу Мартину, что изран-

ная им аналогия в высшей степени неудачна с его же собственной точки зрения. Ибо, видно, полагается на то, что Рихард Мартин затмит Наполеона...

Не так давно в лондонском «Альберт-холле» состоялась конференция сторонников «объединенной Европы». Известно, что ряд участников этой конференции связан с так называемым комитетом «Свободная Европа»; члены этого комитета мертвых душ, по словам газеты «Манчестер гардиан», готовятся к роли новой элиты, которая «должна стать у власти в странах народной демократии» после их «освобождения».

Конференция прираков в «Альберт-холле» получила поддержку со стороны некоторых представителей английского правительства — на нее прибыл член правительства в ранге министра Макмиллана. Два других министра — Сандис и Элкз — присутствовали на открытии конференции. Я не хочу использовать этот политический факт против консерваторов, ибо в этом собрании принимал участие также бывший лейбористский министр Артур Гринвуд, а лидер либералов Клемент Дэвис прислал приветствие, в котором выразил надежду на то, что цели конференции будут осуществлены в свое время по божему усмотрению».

Оставшие послы, князьки, уравнившие из стран Восточной Европы министры — представители родины — толпами обивали пороги «Альберт-холла». В резолюции, принятой конференцией, довольно прозрачно говорится: «До тех пор, пока Восток не присо-

единится к остальной семье европейских народов, говорить о мире — издевательство... И далее: «Никакого урегулирования с Москвой, пока Европа расколота на две части».

Один белгий поляк (Белецкий) заявил: «Весьма тревожно, что теперь так много говорят о мире. Мир не может быть до тех пор, пока Запад, оказав мощное политическое и военное давление на Россию, не вынудит ее к отступлению»... Другой белгий поляк (Адамчук) потребовал исключить представителей Советского Союза и стран народной демократии из всех международных организаций. А румынский эмигрант (Гафенку) жаловался: «Идея мирного сосуществования растет и крепнет. Мы должны заявить, что это невозможно, всячески доказывая это». Он высказал убеждение, что конференция нанесет решительный удар представлению, будто Запад может мирно жить рядом с Востоком».

И было ли это в действительности простое отговорок, когда председатель конференции, крупный английский биржевой спекулянт Беддингтон Бернс заговорил об «организации чешской промышленности после войны... разумеется, я хотел сказать после освобождения»...

Власти прокрываются созывом «конференции» председатели, официальные лица рстачают улыбки этому собранию европейского отребья. А тем временем министр внутренних дел Англии запретил въезд в страну ученым, художникам, писателям, музыкантам, епископам, ставившим своей целью содействие всеобщему миру и взаимопониманию между народами. Он запретил въезд даже юнопам и девушкам из-за рубежа для участия в спортивных соревнованиях и в фестивале песни и танца по имя друзей молодежи во всем мире. Предлог такой: он, министр, не может разрешить этим иностранцам прибыть в Англию, так как они мешают проведению «политики правительства ее величества»...

Газета «Обсервер» недавно раскрыла смысл хладной фразы «ультимативные переговоры». «Это означает», — писала газета, — что Россия будет поставлена перед выбором. — И газета предлагает русским мир, по мир на американских условиях. И если Советский Союз отказывается, то это будет истолковано, как «нападение» и

войны Западу. И тогда, предупреждает «Обсервер», будет поставлено на карту «политическое существование России». Таким образом газета английских консерваторов недумываям грозит Советскому Союзу уничтожением...

За всеми этими далеко не новыми разглагольствованиями отчетливо слышен несбыточный бред Гитлера, кончину которого сейчас кое-кто склонен оплакивать.

В «Санди таймс» от 18 мая опубликована весьма любопытная статья. Автор ее — Сальвадор де Мадарьяга, председатель «интернационала либералов». В ответ на вопрос: «Как Запад должен использовать свою силу, когда будет закончено перевооружение?» — он заявил, что «политика сдерживания — это вовсе не политика» и что нельзя «спознать» услышав себя возмущением голубя Никассо».

«Как же поступать в дальнейшем? Прежде и раньше всего надо изменить дух политики. Пора прекратить формулировать западную политику в пассивных выражениях; необходим поворот к активности. Нам нужно готовиться не к лучшему, а к худшему. Наша политика должна быть честолюбивой и конструктивной». И Мадарьяга во всеуслышание заявляет, что цель рекламируемой им политикой должна заключаться в уничтожении коммунизма.

Что же касается нынешних международных отношений, то пока «под контролем Москвы» и в руках коммунистов находятся огромные силы, о мире между народами не может быть никакой речи», — заключает лидер «интернационала либералов». — Мы находимся и будем находиться в состоянии войны, пока Москва остается коммунистической».

В этом, по заявлению Мадарьяги, и заключается суть «истинного пацифизма», который соответствует «уставу ООН». За этот «вдохновенный анализ» автора статья в «Санди таймс» наградила громкими аплодисментами его собратья по перу, в том числе некоторые члены английского парламента.

Сер Дэвид Максуэл Фафф, министр внутренних дел, не разрешая приехать в Англию на конференцию сторонников мира и венгерскому епископу Петеру, ни профессору Жюльену Кюри, ни представителям городского совета Лийне, ни композитору Шостаковичу. А вот Мадарьягу он терпит.

Отсюда уже рукой подать до курса «общепросветительских» лекций, организованных в политическом центре консервативной партии в Оксфорде. На одной из таких лекций капитан Р. Керзон Хоун задал следующий вопрос: «А не посылать ли на завтра утром, пока мы сохраняем превосходство в отношении атомных бомб, самолет, чтобы сбросить одну из них на Москву?» Лектор, бригадир Блант, ответил: «Это — заманчивая теория» и добавил: «Мне кажется, нам следует предостеречь это дело американцев».

К счастью, есть много людей, которые не согласны «предоставить это дело американцам». Так один из офицеров английского подводного флота, участник недавней мировой войны, имеющий ряд наград и отличий, был отдан под суд за отказ выйти к месту нового назначения, так как, по его словам, он «потерял веру».

Но почему «американцы, видимо, теперь хозяйничают повсюду». Или вот другой пример: 21 июня одна из газет Южного Лондона сетовала на то, что, как заявил об этом на прошлой неделе один армейский офицер, власти более всего озабочены ростом преступлений, совершаемых солдатами, подлежащими отправке в Корею. Они, повидимому, умышленно ищут повод для конфликта с властями, чтобы избежать отправки за границу».

До каких же пор можно считать, что «это дело самих американцев»? Пока «вооружение для обороны», давно перешедшее в стадию «вооружения для переговоров» и уже ставшее «вооружением для навязывания нашей воли в ультимативном порядке», не начнет действовать?

Люди, искренне желающие мира, но стояние пока вне рядов движения борьбы за мир, вправе рассчитывать на внимание с нашей стороны. В процессе подготовки к Конгрессу народов в защиту мира мы должны укреплять растущее единство всех миролюбивых сил, вдохновляющим примером которого является само движение в защиту мира, единство всего человечества, объединяющегося для того, чтобы преградить дорогу войне.

По вопросам сохранения и защиты мира не может быть абсолютно никаких разногласий. Здесь все человечество должно быть единым. Верно, что «отказ от переговоров» может последовать в силу различных побуждений, в том числе и скрытых. Однако отказ от переговоров, сопровождающийся гонкой вооружений, и все более настоятельные заявления о необходимости предельной ультиматум под угрозой применения силы — это не только агрессивный замысел, это уже, бесспорно, подготовка к агрессии.

Пробный камень при определении искренности призывов к усилению обороны — это готовность вести переговоры. В этом логика действительности, и мы имеем право требовать от всех продекларировавших свою любовь к миру, присоединившихся к нашему движению за проведение переговоров и выступивших против любого отказа, каким бы предлогом такой отказ ни мотивировался.

ЛОНДОН

В Западной Германии тратятся огромные средства на строительство комфортабельных жилищ для оккупационных войск. Сооружение лишь одного из новых домов для офицеров в американском секторе оккупации Берлина, например, обошлось в 100 миллионов марок.

В то же время огромное число немцев, живущих в западной части страны, вынуждено ютиться в убогих лагунах и владеть нищенское существование. Этот фотоснимок, сделанный в Мюнхене, показывает, до какой степени обнищали западногерманские трудящиеся. И неудивительно, что протестующий немец Иозеф Рейм высел на своем жалком жилище, построенном из фанеры, обломков жести и всевозможного тряпья, досочку с протестующей надписью: «Нам нужны не казармы, а жилые дома!»

Снимок из датской газеты «Информацион»

ПЕРЕМЕНЫ В ТОСАНИ

М. МАРКОВ

Район Тосан — единственный на острове Хонсю, не имеющий выхода к морю. В самом сердце этого района расположено озеро Сува, со всех сторон окруженное высокой стеной гор. В этом уединенном районе развращаются деятели романа японского писателя Суноа Токунага «Тихие горы».

Автор не случайно остановил свой выбор именно на этом районе. Тем самым он хотел подчеркнуть, что события последнего десятилетия — война, поражение, оккупация — потрясли всю страну, до самых глубинных, самых глухих ее уголков и внесли глубочайшие изменения в сознание каждого рабочего, каждого — даже самого темного и забитого крестьянина-арендатора.

Роман «Тихие горы» — новый этап в творческой биографии Суноа Токунага. Советский читатель познакомился с Токунага еще в 30-х годах, когда на русский язык были переведены его романы «Улица без солнца» и «Токио — город безработных». Сын крестьянина-арендатора, сам по профессии рабочий-печатник, Токунага прошел тяжелую трудовую жизнь. С ранней молодости он активный участник рабочего движения. После войны Токунага вступил в ряды Японской коммунистической партии. Народ, борющийся со своими угнетателями, — вот главный герой всех произведений Токунага.

Действие романа «Тихие горы», являющегося началом многотомной эпопеи, посвященной послевоенной Японии, охватывает несколько первых месяцев после капитуляции. В романе ярко и реалистично отображены страшная экономическая разруха, порожденная войной и антинародной политикой японского правительства, безработица, потрясающая нищета.

Рабочие, уволенные с заводов, разбредаются по родным селам; сюда же в гуще и нищие селения возвращаются демобилизованные солдаты разгромленной императорской армии.

«Брумом, куда вы поглядите, — говорит один из героев романа, — одно только горе...» В этой обстановке классовые противоречия особенно обострились. В первом же послевоенном году произошла десятка тысяч крестьянских конфликтов, переросших в серьезные волнения. Сытые 1.500 трудовых конфликтов было отмечено за этот год в городах. В них приняли участие почти 1.5 миллиона человек.

В первые месяцы после капитуляции Японии американские оккупанты в целях обмена общественного мнения прикрывали свои захватнические агрессивные планы в Японии безудержной «демократической» демагогией. На штаба Макартура излялся непрерывный поток декретов и указов о проведении самых разнообразных «реформ». Однако их истинное назначение состояло в том, чтобы сохранить в возможно нетронутым виде экономический и политический уклад империалистической Японии, которой США с первого дня отвели роль своего вассала и участника замышлявшихся ими агрессивных авантур в Азии.

Однако об американских оккупантах — главных виновниках бед японского народа — в романе сказано глухо. Некоторую роль в этом, повидимому, сыграло то обстоятельство, что газета «Ахатака», где печатался роман Токунага, подвергалась формальному террору американских цензур.

Яркими красками нарисовал Токунага портреты представителей правящего лагеря — тех, кто толкнул Японию на путь империалистических авантур, привел ее к поражению и ныне, под опекой американских империалистов, возрождает японский милитаризм: помещика «либерала» Торидзава Кинтаро, отбравшего у арендаторов последние клочки земли; хитрого и коварного директора завода Сагара; ярого фанатика и монархиста, офицера бывшей императорской армии — Юмачи Нобуэи, который, служа в армии, «разрушал дома мирных жителей, направляя на них танки»; беспринципного и лживого политика, «директора городского подвала», правого социалиста Такэноути.

Реакционная монархо-фашистская клка, вставшая на ноги с помощью оккупантов, воображала, что ей удастся полностью вернуть прежние порядки. Местные «властители» крошечного района, описываемого в романе Токунага, совершают в миниатюре все те преступления, которые реакционные правители Японии творили в общенациональном масштабе — увольнение демократически настроенных рабочих, запрещение собраний и митингов, грубое нарушение Потсдамской декларации и акта капитуляции.

И мы не сомневаемся, что такие люди, как Фурукава, Араки, Накатани, находятся в первых рядах борцов за мир.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АПАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, И. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

С. Токунага. «Тихие горы». Издательство иностранной литературы. Москва 1952. Перевод с японского И. Львова.

Немало страниц в романе посвящено японскому крестьянству, страдания которого Токунага хорошо знает. Он показывает, как в сердце крестьян зреет ненависть к их извечным врагам — помещикам, подминающим их на борьбу. Земля — вот что нужно японским крестьянам, как воздух. Токунага показывает, насколько назрела, как буквально жизненно необходима Японии демократическая земельная реформа. Однако с благословения оккупантов японское правительство препратило эту реформу в фарс.

Действие романа обрывается в мае 1946 года. С тех пор в Японии совершалось много важных событий. Оккупанты, отбросив фивые листы, перешли к открытой политике колонизации Японии. Окрепшие под их крылышком, фашистские и милитаристские силы вновь встали на ноги. Антинародная клика Иосиды полисила проклятый ей в Сан-Франциско кабальный «мирный договор». В стране восстанавливаются фашистские порядки. Коммунисты, активные участники движения за мир, прогрессивные организации подвергаются жестоким преследованиям.

«Японский народ должен освободить себя своими силами, и он сделает это также и для того, чтобы сохранить мир во всем мире», — писал Суноа Токунага в прогрессивном японском журнале «Дзимиин Бунгаку» («Народная литература») в редакционной статье «Ответ на новогоднее послание Председателя Совета Министров Советского Союза Сталина».

И мы не сомневаемся, что такие люди, как Фурукава, Араки, Накатани, находятся в первых рядах борцов за мир.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АПАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, И. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

С. Токунага. «Тихие горы». Издательство иностранной литературы. Москва 1952. Перевод с японского И. Львова.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АПАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, И. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).

С. Токунага. «Тихие горы». Издательство иностранной литературы. Москва 1952. Перевод с японского И. Львова.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР К. СИМОНОВ. Редакционная коллегия: Б. АПАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИЯ, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, И. ПОГОДИН, Б. РЮРИКОВ (зам. главного редактора).